

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОМ СТИЛЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

© 2006 Ю.Т. Листрова-Правда, М.Б. Расторгуева

Воронежский государственный университет

Изменение отношений между церковью и государством в конце XX века привело к тому, что священнослужители в настоящее время выступают не только перед прихожанами в храмах, но и по радио, телевидению, в газетах и журналах, а религиозная литература широко печатается и распространяется. Это дало основание ученым (Л. П. Крысин, С. А. Гостеева, А. Бенедиктова и др.) поставить вопрос о наличии в системе стилей современного русского литературного языка особой функционально-стилевой разновидности или особого функционального стиля, использующегося в сакральной сфере.

О. А. Крылова выдвинула гипотезу о том, что в настоящее время сфера церковно-религиозной деятельности — это сфера двуязычия: в ней функционирует церковнославянский язык (язык молитв, богослужений, богослужебных книг), с одной стороны, и церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка (язык проповедей, церковных посланий, наставлений и др.) — с другой. Разумеется, эта гипотеза может считаться доказанной лишь после того, как будут тщательно изучены все жанры, в которых этот стиль воплощается [11, 108]. Под научным руководством О. А. Крыловой аспирантка Со Ын Ен провела анализ жанра церковно-религиозного послания (на материалах рождественских и пасхальных посланий Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и других священнослужителей высшего духовного сана). Выявленные особенности этого жанра как в плане содержания, так и в плане языкового воплощения подтверждают, по мнению О. А. Крыловой, выдвинутую ею гипотезу [11, 117], но для окончательного решения этого вопроса должны быть изучены и другие речевые жанры предполагаемого церковно-религиозного стиля. В связи с этим на материале 20 проповедей, как напечатанных в книгах и журналах, так и произнесенных в храмах и по радио и записанных на аудиокассетах, М. Б. Расторгуева

в кандидатской диссертации, выполненной под руководством Ю. Т. Листровой-Правды, провела анализ речевого жанра церковно-религиозной проповеди.

Вслед за Со Ын Ен и О. А. Крыловой [11, 107-119] жанр церковно-религиозной проповеди мы рассматривали как вторичный речевой комплексный жанр (по М. М. Бахтину) и характеризовали его по параметрам: содержательная сторона, включающая в себя тему, и собственно содержание, представленное диктумом и модусной рамкой, коммуникативная цель, образ автора, характер адресата и языковое воплощение [6, 89].

Анализ показал следующее:

1. Темы церковно-религиозных проповедей разнообразны, но ограничены религиозной сферой (например, раскаяние и покаяние (Стеняев О.), страдания и смерть Иисуса Христа ради людей (Тихон Задонский), спасение с точки зрения христианской религии (Иоанн), церковные праздники, например Вознесение Господне (Владимир), и многие другие).

2. Диктумное содержание проповедей складывается из множества элементов. Во всех проанализированных проповедях было отмечено напоминание о событиях библейской истории (например, Вознесение Господа: *“На горе Елеонской, где свершилось Вознесение Господне, запечатлелся на камне след стопы Христовой”* [4, 3]; напоминание о духовных ценностях (например, о спасении своей души от пороков: *“Все мы без исключения, возлюбленные братья и сестры, несомненно, задаем себе вопрос: как спастись? И этот вопрос, очень серьезный, важный и необходимый, неодинаково решается нами, хотя ответ на него дан в Священном Писании, в словах Спасителя: покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк. 1, 15)...”* [13, 2], напоминание о грехах, пороках, дурных поступках и средствах избавления от них: *“Видишь, христианин, страшное и ужасное позорище: смотри и рассуждай о причине того! Причина тому — грехи наши!”* [17, 6]. Другие же эле-

менты диктумного содержания не повторялись и были индивидуальны в каждой проповеди, например положение о смерти как продолжении жизни в другом измерении: *“Христианскому сознанию смерть открывается как очищение человеческого естества перед воскресением”* [21, 48], разъяснение духовных истин: *“Покаяние — это величайший дар Бога человеку”* [2, 10], изложение христианских заповедей и основополагающих моментов православной религии: *“Чтоб храм для нас стал Церковью, местом святости, нужно, чтобы наша семья была домашней церковью. Что для этого нужно? Я задам вам в связи с этим некоторые вопросы...”* [8, 9] и др.)

3. Модусная рамка церковно-религиозных проповедей включает религиозные наставления (*“А тот, кто изображал себя духовно зрячим и по-фарисейски хвалился своими многими, но ложными знаниями, тот оказывается духовно слепым, не принимающим света Христова; и эта слепота, по слову Спасителя, является тяжелым непрощенным грехом: грех остается на вас”* [3, 51]); слова ободрения и надежды на лучшее (*“Сколько милостей Божиих излилось на нас грешных по молитвам Святителя Тихона в это прошедшее столетие его загробной жизни! Сколько исцелилось людей от разных неизлечимых болезней”* [9, 7]); призывы-пожелания (*“Да будет же также сильна наша любовь к нашему Солнцу — Воле Божией, — восклицает святитель Тобольский Иоанн, — чтобы мы неразлучно с ней могли в дни невзгод и скорби, как подсолнечник в дни мрачные, продолжать безошибочно плавать по житейскому морю, руководствуясь компасом воли Божией, ведущей нас в безопасную пристань вечности”* [10, 54]).

4. Коммуникативная цель проповедей складывается из эмоционального воздействия на адресата, его религиозного просвещения и воспитательно-дидактического момента (например, *“Вспоминай всегда, христианин, это время, в которое наше блаженство устраивалось, поминай это время, в которое Бог в образе человеческого и в виде раба нас ради на землю явился и пожил, между грешниками обращался, с грешниками ел, пил и беседовал; поминай то время, в которое хуление и гонение от злых рабов своих претерпел; то время, в которое грехов ради наших скорбел, тужил, ужасался и кровавым потом обливался, в которое от лстивого и неблагодарного ученика продан и предан был, прочими учениками оставлен был; в которое связан, введом на суд, судим и осужден был на смерть, поруган, оплеван и заушен был; в которое вопили на Него: “Распни Его!”; в которое со незаконным вменился и спасения ради нашего на кресте умер”* [15, 26]).

Практически почти всегда содержание проповеди во многом переключается с содержанием

литургии, после которой проповедь произносится в храме.

5. Образ автора проповеди связан непосредственно с образом священнослужителя (рукоположенного в сан), в качестве которого выступает всегда мужчина, высокообразованный многоуважаемый человек, к мнению которого прислушиваются люди. Он выступает как посредник между паствой и церковью — наместницей Бога на земле.

6. Адресат проповеди во многом прогнозируем; для него характерна массовость. При произнесении в храме проповеди священник предполагает, что практически все прихожане, к тому же более или менее знакомые ему лица данного прихода, — религиозно настроенные и в основном глубоко верующие люди. Он учитывает и социальное положение прихожан, уровень их образованности, в первую очередь — религиозной. Проповеди, читаемые по радио и напечатанные в книгах и журналах, рассчитаны на более широкую аудиторию.

7. Языковое воплощение жанра церковно-религиозной проповеди рассматривалось нами в плане стилистики языка (как характеристика языковых средств) и в плане стилистики речи (как характеристика организации этих ресурсов), и было отмечено следующее:

1) Проповеди, произносимые по радио и на телевидении, могут быть отнесены к полному стилю произношения (по терминологии Л. В. Щербы) [20, 21–26] и с некоторыми оговорками — к высокому стилю (по терминологии Р. И. Аванесова) [1, 17–19]. Что же касается проповедей, которые мы слушали в воронежских храмах, то для них характерен неполный стиль произношения, а в высоком стиле (по терминологии Р. И. Аванесова) произносятся лишь цитаты из Священного Писания.

2) Рассмотрение лексических средств церковно-религиозных проповедей в функционально-стилевом аспекте дало возможность выделить нейтральную (общеупотребительную) лексику, а также лексику письменной речи — церковно-религиозную, к которой относится и большая часть устаревшей лексики, и обшкнижную. В небольшом числе единиц отмечена лексика устной речи.

Нейтральная (общеупотребительная) лексика тематически безлика, включает слова всех частей речи и количественно превалирует над другими лексическими пластами: *сегодня, мы, беседы, продолжим, наши, по, бывает, что, человек, заслугам, своим, и, законам, осуждается, на, смертную, казнь, все, без, несомненно, задаем, себе, вопрос, как, разорвал, сети, которыми, окружали, землю, настезь, распахнули, замкнутые любовью, людей, из, рабства* и др.

В рамках церковно-религиозной лексики выделяется церковная и религиозная лексика. Церковная лексика обозначает в проповедях а) предметы культа, церковной утвари (*крест, крестик, нательный крестик, распятие, икона, икона Спасителя, икона Христа*); б) церковные обряды, обычаи (*святое таинство покаяния, благословение, богослужение, святые посты, молитва, исповедь, таинства церкви, освящение, крещение, крестить* и др.); в) детали архитектуры, внутреннего и внешнего устройства храма (*престол, алтарь, свещница, рака святых мощей, святые мощи*); г) единицы и подразделения церковно-административного устройства (*христианский храм, церковь, православный храм, часовня, домашняя церковь, собор, дом молитвы, Церковь Христова, Синайский монастырь* и др.); д) наименования священнослужителей (*христианский проповедник, епископ, игумен, архиепископ, православный священнослужитель, пастыри, священник, патриарх, монах, протоиерей* и др.).

Религиозная лексика обозначает: а) Верховное Божество и Божественные существа (например, *Бог, Господь, Троица, Святой Дух, Дух Божий, Гость высочайший, Отец, Бог Отец, Отец Духа Святого, Христос, Спаситель, Господь Иисус Христос, Ангел, Небесные силы, Архангел* и др.); б) существа и явления, воплощающие зло (*дьявол (Диавол), сатана, бес (бесы), грех, духовная смерть, нечестивые, ад, пекло ада, духовно упавший, дьявольские соблазны* и др.); в) библейские книги и иную религиозную литературу и ее персонажей (*Евангелие, проповедь, Библия, Ветхий и Новый Завет, Святитель, Апостол, Иуда, Дни Голгофские, Распятый на кресте, Рождение Спасителя, обетованная земля* и др.); 4) христианские добродетели и отступления от них (*христианская позиция, христианская жизнь, христианское устройство, христианские истины, христианская премудрость, христианская семья, христианское сознание, христианское понимание, христианский дух, православная мысль* и др.); 5) христианских святых (*блаженный Феофилакт, мученик, святитель Иоанн Златоуст, святой пророк Илия, святой пророк Исаия, святая Нона, святой муж, святитель Тихон Задонский, преподобный Серафим Саровский, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский* и др.); 6) наименования религиозных доктрин и понятий (*богословские течения, вера, христианство, христианская вера, православное учение, православная вера, Православная Церковь, Святая Церковь, Святая вера, религиозная область* и др.).

Общекнижная лексика представлена в основном отвлеченными именами существительными (*самопожертвование, уничтожение, гипноз*), глаголами со значением абстрактности, не-

сущими в себе экспрессивную оценку некой возвышенной речи (*проистекает, почитается, обличает*), именами прилагательными с семантическим воплощением положительной или отрицательной оценки (*возлюбленные, крайнее, дивный*), причастиями (*одержимый, упавший, умерший*), деепричастиями (*оставаясь, довольствуясь, приняв*).

Лексика церковно-религиозных проповедей включает также еще один пласт, лексические единицы которого отсутствуют в толковых словарях современного русского языка и несут в себе явную общекнижную семантику. Условно мы назвали данные единицы церковными образованиями. Это в основном сложные слова с четко прослеживающимися старославянскими истоками в одном из корней или слова, образованные приставочным способом (с использованием приставок старославянского происхождения, которые относятся к абстрактной лексике, глаголам, именам существительным со значением лица, прилагательным и наречиям (*благоспешествовать, насельник, братолюбие, Богооставленность, предпразднественные (дни), трудолюбно, предпразднество, приуготовление, оцерковление* и др.).

В составе лексики письменной речи немало устаревших слов — это в основном лексико-фонетические (*град, отверзалось, врат, благодсть*), собственно лексические (*чрево, скверна, сега, окаянство*), лексико-словообразовательные (*соделывалось, погибель, вопрошал, ниспосылалось*) и лексико-семантические (*странник, живот, суэта*) архаизмы; историзмы представлены в меньшем объеме (*купец, Кесария, Малороссия*). Церковно-религиозная и большая часть книжной лексики проповедей несет на себе черты церковно-славянского языка, что придает проповедям архаически торжественную эмоционально-экспрессивную окраску; это характерно и для языка посланий [11, 113].

3) На грамматическом уровне церковно-религиозным проповедям присущи особенности, характерные для книжной речи. Прежде всего это широкое использование имен существительных с суффиксами -ость, -ство, -ние, -ие (*исключение, устройство, проклятие, бедствие*), а также образованных путем сложения с помощью элементов старославянского происхождения (*братолюбие, приуготовление, обетование, оцерковление, богоподобие, развоплощение, добролюбие, многоглаголание, самоотвержение* и др.); а также высокая частотность употребления страдательных причастий и деепричастий (*собираемое, осужденный, судим, явлены, призван*; “*Царь, желающий в город придти, посылает сначала в тот град вестника объявить гражданам о своем пришествии*”

[15, 45]; *“Установив в четвертую неделю Великого поста празднование в честь преподобного Иоанна Лествичника, Церковь указывает самое верное средство для достижения совершеннейшей любви, заповеданной Христом”* [14, 52]; *“Углубляясь в событие данного праздника, не будем забывать, что тайна Воплощения Сына Божия — тайна непостижимая, в которой действует всемогущество Божие”* [10, 54]).

Как известно, стилистические возможности морфологии очень ограничены [7, 134]. На фоне морфологических явлений, использующихся во всех функциональных стилях письменной речи, в церковно-религиозных проповедях, как и в посланиях, выделяются не только лексические архаизмы, но и архаичные формы имен существительных, прилагательных, глаголов (*отче, бывати, настави, святых отец, человецы, Божия обетования, святого* и др.). Например: *“Продолжи, угодниче Божий, твое многомогущее молитвенное ходатайство за всех нас грешных и недостойных — и пастырей и пасомых...”* [9, 9].

Синтаксис для стилистики имеет первостепенное значение, так как располагает огромным запасом синтаксических синонимов [7, 250]. В церковно-религиозных проповедях отмечено использование синтаксических конструкций, характерных для книжной речи:

а) преобладание сложных предложений над простыми;

б) использование вводных слов, устанавливающих логическую последовательность мысли, например: *“Во-первых, мы не язычники, и что достаточно язычникам, то недостаточно нам. Во вторых и в-третьих, спросите у себя: неужели вам не хочется знать, во что мы веруем?”* [8, 6];

в) широкое употребление причастных оборотов (в функции обособленных определений) и деепричастных оборотов (в функции обстоятельство), например: *“Христос разрывал незримые сети, которыми окружали землю духи злобы поднебесные, настезь распахнул врата райские, доколе замкнутые грехопадением прародительским”* [4, 3]; *“Неужели жизнь заключается в таком, порой бессмысленном, круге, который мы совершаем, идя по земле?”* [8, 6];

г) осложнение простых предложений однородными и уточняющими членами, например: *“Вдали от шумных торжищ, толчеи и суеты Спаситель преподал Апостолам благословение и восшел на Небо”* [4, 4];

д) широкое привлечение цитат; в проповедях это цитаты главным образом из Библии, молитв, тропарей, например: *“Однако, как предупреждает Тихон Задонский, и благодать Божия хотящих спасет, а не нехотящих”* [5, 5], они — важнейшие элементы языкового воплощения

церковно-религиозных проповедей, ставящих целью ввести паству в лоно христианства, и используются для подтверждения мысли проповедника, выражения экспрессии, украшения речи и поддержания высокого стиля проповедей;

е) наличие элементов и литературно обработанного синтаксиса [7, 267- 273], используемых, как правило, в сверхфразовых единствах, — это анафоры (единоначатие), риторические вопросы, параллелизм в построении предложений, конструкции “вопрос — ответ” (для сосредоточивания внимания слушателей и подчеркивания значимости высказанной мысли), например: *“Какое чувство больше всего поразило меня, когда я впервые встал у престола как пастырь? Это было чувство страшной ответственности”* [16, 319];

ж) наличие инверсии согласуемого компонента в словосочетаниях, что характерно для церковно-славянского языка (*в озере огненном, сокровище духовное, род человеческий, способ простой и легкий* и др.);

з) преобладание книжных элементов над разговорными, представленными единичными случаями употребления неполных предложений, например: *“И ведут его за город, и за ним следует множество народа, и так в определенном месте принимает казнь”* [15, 45], а также диалогизированной прямой речи: *“Молился и старец, и через неделю позвал его: “Ну, видел ты что-нибудь? — спросил он монаха. “Да, — ответил монах, — высоко в небе я видел голубя”. “Хорошо. Иди, будем еще молиться”* [2, 6-7].

Своеобразными чертами синтаксиса церковно-религиозных проповедей являются широкое использование развернутых обращений (*возлюбленные братья и сестры, дорогие во Христе братья и сестры, други наши, чада Божию, дети Святой Православной Церкви* и др.), которые передают доброжелательность и сердечность проповедника по отношению к пастве, а также побудительных предложений, выражающих приглашение совершить совместно с проповедником то или иное действие, что реализуется с помощью формы глагола 1-го лица множественного числа и отмечено почти во всех проповедях (а также в посланиях), например: *“Посмотрим на жизнь подвижников благочестия и прислушаемся к их советам”* [4, 4]; *“Попробуем вникнуть в преподаваемые христианские истины”* [12, 4].

В рассмотренных проповедях не используются побудительные предложения, выражающие приказ, категорический запрет, проповедник ставит себя как бы на один уровень с паствой, показывая тем самым открытость своей души для нее, подчеркивая тем самым, что и он, как все смертные, под Богом ходит. Таким образом, сво-

еобразии содержания, коммуникативной направленности, а также образа автора и характера адресата в церковно-религиозных проповедях накладывают определенный отпечаток не только на лексические, но и на синтаксические ресурсы проповедей.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что церковно-религиозная проповедь, с одной стороны, имеет черты особого речевого жанра, сближающие его с жанром церковно-религиозного послания [11, 115-116], а с другой, — особенности, свойственные только ей.

Если тематика церковно-религиозных проповедей довольно разнообразна, то в рамках темы церковно-религиозных посланий — два самых значительных религиозных праздника — Рождество Христово и Пасха, что обусловило различие в диктумном содержании проповедей и посланий, хотя компоненты модусной рамки в обоих жанрах во многом совпадают. При наличии общих коммуникативных целей посланий и проповедей — эмоционального воздействия на адресата, религиозного просвещения аудитории и воспитательно-дидактического момента — послания реализуют еще одну коммуникативную цель — пропаганду положительной роли церкви, что для проповедей не характерно.

При общем сходстве образов автора церковно-религиозных проповедей и посланий отмечаются и некоторые различия между ними. Авторы девятнадцати посланий, рассмотренных в диссертации Со Ын Ен и относящихся к XXI в., — Митрополит Московский и всея Руси Алексей II, Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл — наши современники; авторы же двадцати проповедей — священники, жившие в разное время — в XVIII, XIX, XX и начале XXI вв, что в какой-то мере наложило отпечаток прежде всего на содержание и языковое воплощение проповедей; их стиль разнообразен при наличии и многих общих черт. Но все проповеди были опубликованы в конце XX — начале XXI вв. и используются в сфере современных церковно-религиозных отношений наряду с текстами посланий.

При общем сходстве образов адресата церковно-религиозных проповедей и посланий несколько различается прогнозируемый их слушатель. Если проповедник обращается в основном к более или менее знакомым священнику лицам данного прихода (или епархии), то для церковно-религиозного послания предполагаемый адресат — все православно верующие России.

Есть различия и в языковом воплощении обоих жанров. Так, если в посланиях нейтральная (общепотребительная) лексика в силу своей малочисленности и тематической неопределенности не составляет основу, а чаще в большей

степени представлена общекнижная лексика, на фоне которой выступают стилистически окрашенные пласты, то в проповедях, рассмотренных нами, нейтральная лексика количественно преобладает над общекнижной. В церковно-религиозных проповедях также более широко представлены лексические и грамматические архаизмы и отмечены специфические “церковные образования”, отсутствующие в посланиях.

В небольшом числе случаев в проповедях использованы явления разговорного синтаксиса и сниженной (разговорной, просторечной) лексики, что для посланий не характерно. В то же время значительный пласт общественно-политической лексики, используемой в посланиях, в проповедях практически отсутствует. Черты сходства между церковно-религиозными посланиями и проповедями гораздо больше, чем различий, причем различия не касаются основных стилеобразующих черт. Это дает нам основания относить оба речевых жанра — церковно-религиозной проповеди и церковно-религиозного послания — к особому функциональному стилю современного русского литературного языка. К тому же различия в стилистическом оформлении текстов посланий и текстов газетно-публицистического стиля, отмеченные О. А. Крыловой [11, 116-117], почти полностью можно отнести и к церковно-религиозным проповедям.

Жанр церковно-религиозного послания и жанр церковно-религиозной проповеди — ведущие в сфере церковно-религиозной общественной деятельности, поэтому гипотезу о существовании особого стиля в современном русском литературном языке, обслуживающего сакральную сферу, можно считать нашедшей свое подтверждение, что не исключает необходимости изучения и других жанров церковно-религиозного стиля (надгробного слова, наставления и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности “Русский язык и литература” / Р. И. Аванесов. — М.: Просвещение, 1984. — 384 с.
2. Архимандрит Амвросий. О покаянии / Архимандрит Амвросий // Слово утешения. Проповеди. — Иваново, 1994. — С. 5-11.
3. Архиепископ Саратовский и Вольский Пимен. Дела Божии / Архиепископ Саратовский и Вольский Пимен // Журнал Московской Патриархии. — 1999. -№ 4. — С. 51.
2. Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. Слово в День Вознесения Господня / Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир.

- атский Владимир // Журнал Московской Патриархии. — 1994. -№ 6. — С. 3-4.
3. Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир. Слово в День Святой Троицы / Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир // Журнал Московской Патриархии. — 1994. -№ 6. — С. 5-6.
4. Бахтин М. М. Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. — М., 1982. — С. 79-94.
5. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. — М., 1955. — 460 с.
6. Дудко Д. Огласительные слова. Слово первое / Д. Дудко // В тернии и при дороге. — М., 1993. — С. 5-9.
7. Епископ Острогжский Макарий. Беседа, говоренная в Задонском монастыре в столетний юбилей от кончины святителя Тихона Задонского / Епископ Острогжский Макарий // Воронежский епархиальный вестник. — 2000. -№ 1-2. — С. 6-9.
10. Игумен Феодосий. Благовещение Пресвятой Богородицы / Игумен Феодосий // Журнал Московской Патриархии. — 1999. -№ 4. — С. 52-54.
11. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? / О. А. Крылова // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — С. 107-119.
12. Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий. Жить с правдой / Митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий // Воронежский епархиальный вестник. — 2000. -№ 1-2. — С. 2-4.
13. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн. О спасении души / Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн // Журнал Московской Патриархии. — 1994. -№ 6. — С. 2-3.
14. Орлов М. Лестница добродетели / М. Орлов // Журнал Московской Патриархии. — 1999. -№ 4. — С. 52-53.
15. Патриарх Тихон. Россия в проказе / Патриарх Тихон // Журнал Московской Патриархии. — 1994. -№ 3. — С. 45-46.
16. Свещицкий В. За всеобщей. 7 сентября. / В. Свещицкий // Беседы о духовной жизни. — С.-П.: Сатисъ, 1995. — С. 318-321.
17. Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое / Святитель Задонский Тихон // Воронежский епархиальный вестник. — 1993. -№ 1. — С. 6-7.
18. Слово о малом доброделании // Воронежский епархиальный вестник. — 1995. — № 5-6. — С. 2-4.
19. Стеняев О. Раскаяние и покаяние / О. Стеняев // Коллекция радио "Радонеж". — 2002.
20. Щерба Л. В. Современный литературный язык / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 113-129.
21. Шиллер В. От земли к Небу... / В. Шиллер // Журнал Московской Патриархии. — 1994. -№ 3. — С. 46-49.

Рецензент — И. А. Стернин.